

В ночь Праздника Фонарей на улицах и без того было многолюдно и шумно, а когда лавка семьи Куй устроила такой переполох - представила новое угощение, да ещё и с розыгрышем удачи и обещаниями «сдачи экзамена», жители внешнего города, гуляющие горожане и учащиеся быстро услышали новость и потянулись к шатру.

— Куй-фулан, Куй-далан, давно не виделись! — первыми появились хорошо знакомые лица: молодой господин Лю и сопровождавшая его Лунъянь, главная красавица «Павильона Цзуйсянь». С тех пор как молодой господин Лю подарил ей букет сахарных роз, полностью покорив этим её сердце, он всё это время оставался её постоянным гостем. Отношения у них были, как говорится, не разлей вода.

В этот день, в Праздник Фонарей, молодой господин Лю изначально сидел с Лунъянь в «Павильоне Цзуйсянь»: слушали игру на цине и песни... пока не прибежал слуга и не доложил:

— Во внешнем городе появилось новое лакомство, называется фуюаньцзы! Говорят, вкус необыкновенный, да ещё и «счастливые шарики» там разыгрывают. Половина города туда уже сбежалась.

Хотя «Павильон Цзуйсянь» каждый год устраивал представления по случаю праздника, всё это было одно и то же и за столько лет успело приесться. Услышав новинку, молодой господин Лю тут же заинтересовался и решил вывести Лунъянь прогуляться. А когда Лунъянь узнала, что сахарные розы, которые она так любит, тоже делает семья Куй, её любопытство вспыхнуло ещё сильнее, и она охотно согласилась пойти. Что до хозяйки борделя, то немного серебра решало любые вопросы.

Куй У улыбнулся, поднялся и поздоровался:

— Молодой господин Лю.

Этого человека Куй У знал. В своё время, когда они устраивали шумиху вокруг сахарных роз, он просил Лю помочь. А вот для Цинь Хэ это лицо было новым: слышал лишь имя, да и то вскользь, поэтому сейчас он не мог сопоставить.

Куй У пояснил:

— Фулан, это и есть молодой господин Лю. Он первый, кто купил у нас сахарные розы.

В маленьком тёплом шатре люди непрерывно входили и выходили, поэтому детали Куй У вслух не уточнил - не время рассказывать, что он помогал им «разыгрывать сценку» ради рекламы. Но Цинь Хэ был человек проницательный: намёка хватило, и он сразу понял.

Он тут же расплылся в приветливой улыбке:

— Так это вы, молодой господин Лю! Далан так много о вас рассказывал. И вправду, как он и говорил, вы прямо-таки изящный, обходительный господин.

Молодой господин Лю больше всего любил, когда его хвалили за красоту и утончённость, и такие слова пришлись ему по душе. В те времена слово «фэнлю» всё ещё означало грациозность, изысканность, а не имело иных подтекстов.

— Прошу, проходите внутрь, в шатре тепло. — сказал Цинь Хэ.

Он стоял снаружи, зазывая покупателей на фуюаньцзы, а внутри гостей принимал Куй У.

Тот и спрашивать не стал - сразу подал на стол ассорти из конфет, молочных таблеток и молочных бобов.

Молодой господин Лю спросил:

— Куй-далан, а какой чай у вас есть? Я люблю лунцзин. Если нет, можете сходить в трактир Пань напротив и купить для меня.

Но Куй У не стал ни соглашаться, ни отказывать, а спокойно ответил:

— Мы чая не продаём. Но у нас есть горячий напиток из молочного порошка. Все, кто к нам приходит, именно за ним и идут. Даже сам господин фуинь заказывал у нас пять ши, из-за этого в последние дни у нас вообще не было молочного порошка на продажу. Лишь сегодня снова сделали немного. Я заварю чашу для молодого господина Лю, попробуйте.

— Молочный порошок? — удивилась Лунъянь. — Я такого ещё не пробовала. Сделайте нам две чаши, попробуем. Если окажется невкусным, тогда и пойдём за чаем. Хорошо?

Молодой господин Лю, разумеется, согласился. Куй У заварил им горячий напиток, и, пока они пили и закусывали, слушая шум и смех в маленьком тёплом шатре, атмосфера казалась особенно уютной и живой.

Лунъянь, чуть наклонившись к плечу молодого господина Лю, мягко сказала:

— Все говорят, что в «Цзуйсяне» всё самое модное. Но, по-моему, так себе. Хотя бы вот этот молочный порошок, молочные таблетки и фуюаньцзы - там ведь такого нет. И раньше о них ничего такого не слышала.

Молодой господин Лю, слушая наполовину жалобные, наполовину кокетливые упрёки Лунъянь, весь растаял, и сразу повернулся к Куй У:

— Завтра всё это отправьте в «Павильон Цзуйсянь»: каждое из этих новых лакомств, и фуюаньцзы тоже.

Куй У кивнул, запоминая:

— Хорошо.

Не успели они обменяться и несколькими словами, как в шатёр зашло ещё четверо-пятеро - все знакомые лица.

— Куй-далан, стоит мне на пару дней исчезнуть, а у тебя уже столько новых диковинных кушаний! — с улыбкой произнёс третий молодой господин Чжан, тоже один из тех, кто когда-то помогал создавать ажиотаж вокруг сахарных роз.

Куй У быстро поднялся ему навстречу, пригласил внутрь, подал горячий молочный напиток, выставил ассорти из сладостей, а затем велел младшей сестре Куй сварить ему фуюаньцзы.

Молодой господин Чжан, устроившись, сказал с упрёком, но добродушно:

— Брат Куй, это же ты нехорошо поступаешь. Столько новых угощений появилось, а ты мне даже словечка не передал!

Куй У вежливо ответил:

— Всё это пустяковые лакомства. То, что молодой господин Чжан удостоивает их вниманием, уже честь для меня. Завтра я пришлю в ваш дом понемногу каждого. Если понравится, просто скажите.

Молодой господин Чжан сказал:

— Хорошо, только не вздумай забыть об этом.

— Люван-гунян, пожалуйста, проходите внутрь... — пока Куй У еще не успел как следует поприветствовать гостей, Цинь Хэ уже ввел в лавку двух девушек. Одна из них была старшей служанкой из семьи Ли, Люван, а за ней шла другая барышня с накинутой вуалью, по всей видимости, её госпожа.

Цинь Хэ поспешно освободил для них один из столиков и пригласил присесть, затем крикнул младшей сестре Куй, чтобы та отварила две порции фуюаньцзы, а сам выложил на стол все свежие угощения, что были в наличии.

Госпожа Ли, отведав угощение, протянула изящную руку и, указав пальцем, сказала:

— По цзиню каждого из этих блюд, шэн молочного порошка и фуюаньцзы на тридцать вэней - всё это с собой.

— Хорошо, сейчас всё упакую, — ответил Цинь Хэ и передал младшей сестре Куй просьбу, после чего поспешно вышел.

Занятая без передышки младшая сестра Куй, оглянувшись на опустевший таз, сказала:

— Брат, фуюаньцзы закончились.

— Что? Закончились? А мои где?!

— Кто съел тот, что с лепестками роз?

— Я не ел.

— И я тоже...

Сразу же кто-то недоверчиво спросил:

— Эй, хозяйева, а у вас в этих фуюаньцзы точно есть с розовой начинкой?

Младшая сестра Куй уже вся вспотела от суеты, вытерла лоб рукой и сказала:

— Конечно есть, не волнуйтесь! У меня тут ещё штук двадцать осталось, может, они как раз там.

Но едва она договорила, как оставшиеся фуюаньцзы были тут же разобраны подчистую.

И именно в этот самый разгар суматохи пришла мать Куй. Первым её заметил снаружи Цинь Хэ, он с улыбкой поспешил навстречу:

— А, мама пришла одна? Проходи скорее, погрейся, я попрошу сестру сварить тебе чашку фуюаньцзы.

Но мать Куй замахала руками:

— Не надо мне этих ваших фуюаньцзы варить, я не за этим пришла. Видно же, как вы тут закрутились, я специально пришла помочь, чтобы вы не надрывались. Я никого с собой не взяла, ещё чего доброго, приведёшь таких помощников, что только мешаются да за угощения хватаются. У вас тут такая суматоха, когда вам с ними ещё и возиться!

Цинь Хэ понимал, что мать Куй действительно пришла с искренним намерением помочь, и потому не стал разыгрывать вежливость, а с облегчением поблагодарил:

— Мама, ты как раз вовремя. Все фуюаньцзы распроданы, сейчас самое время. Ты могла бы помочь налепить ещё.

— Сейчас же иду, — откликнулась мать Куй.

Сестра Куй, завидев мать, будто спасение увидела:

— Мама, ну слава небесам, ты пришла! Срочно нужно лепить фуюаньцзы, и ещё шуйцзяньбао - тоже не хватает совсем.

Мать Куй закатала рукава и тут же принялась за дело. Начинка уже была готова, так что ей оставалось только лепить, и она сразу включилась в работу.

— Куй-фулан, мы с даланом вышли прогуляться, а тут смотрим - у тебя такая суета, может, помочь чем? — обратилась к ним жена старшего брата плотника Фэна. Позади неё, как всегда молчаливый и хмурый, стоял сам старший брат Фэн.

Цинь Хэ и правда не знал, за что хвататься, так что церемониться не стал:

— Ну раз так, тогда примем помощь, побеспокоим вас.

Фэн-шисао что-то сказала мужу, и тот сразу ушёл, а она сама зашла в шатер и принялась помогать.

— Куй-далан, я нашёл розовую начинку! — молодой господин Чжан с сияющим лицом поднял ложку, полный радости, будто сдал экзамен на высшую степень. Он взволнованно закричал: — Я выиграл! Я выиграл!

Куй У подошёл поближе, заглянул и, убедившись, что начинка действительно розовая, кивнул:

— Поздравляю, молодой господин Чжан, вы действительно нашли.

Тут же он вынес угощения, которые пообещал заранее Цинь Хэ, и вручил их молодому

господину Чжану. Окружающие смотрели на того завистливо и с лёгкой ревностью: одни завидовали тому, какие вкусности он получил, другие - его счастливой удаче.

А мать Куй с Фэн-шисао стояли с ошарашенными лицами. Хорошо ещё, что мать Куй не была из тех, кто самовольно берёт инициативу в свои руки. Она шепнула:

— Далан, это как так: едят - не платят, а мы им ещё приплачиваем?

Куй У пояснил:

— Это способ привлечь покупателей. Не смотри, что мы даём в подарок, на самом деле мы зарабатываем больше. Видишь, сколько людей сюда пришло? Все стремятся вытащить фуюаньцзы с розовой начинкой.

Хоть мать Куй и не до конца всё поняла и с её жизненным опытом не могла вполне постичь, почему в торговле нужно что-то отдавать бесплатно. Но она знала, что её старший сын толковый, за столько лет в чужих краях повидал немало, стало быть, смысл в этом точно есть. К тому же она понимала, что её старший не из тех, кто даст себя в обиду. Поэтому подавила в себе досаду и сделала вид, будто ничего не заметила.

— Госпожа вытянула! — тут же вскочила Люван и громко закричала: — Моя госпожа вытащила фуюаньцзы с розовой начинкой!

Люван в восторге обернулась к своей госпоже:

— Госпожа, я ведь знала, у вас всегда была отличная удача, обязательно должна была попасться! — а потом шепнула ей на ухо: — Это добрый знак, может, это предвещает, что дело с Чжао-сыланом устроится!

Лицо госпожи Ли под вуалью порозовело от смущения.

А вот прочие студенты, что собрались в лавке, были прямо-таки вне себя от досады. Ну скажите на милость, девице-то к чему всё это? Ей же кэцзю сдавать не нужно, зачем лезет в это? Такая редкая фуюаньцзы с розой досталась ей - настоящая трата впустую, не то что кто-то из них, кто мог бы «сдать экзамен».

Сунь Фэнь был родом из самой обычной семьи в городе. Сила в нём была хоть отбавляй, и потому он зарабатывал себе на жизнь, нанимаясь на тяжёлую работу к зажиточным горожанам. Сегодня, по случаю Праздника Фонарей, его господин дал работникам полдня отдыха. И вот только поэтому Сунь Фэнь смог выбраться с женой на улицу. Не то чтобы деньги жгли карман, просто молодым супругам хотелось просто пройтись и погулять.

Гуляя по улицам, они, как и положено, направились туда, где былолюдно и весело, и вот так,

случайно, добрались до лавки семьи Куй. Услышав, как Цинь Хэ рассказывает о фуюаньцзы, Сунь Фэнь сразу захотел купить жене чашку на пробу.

— У меня есть деньги, — шепнул он. — Хозяин в прошлый раз выдал мне награду, а я матери не сказал, потихоньку припрятал. Вот и хорошо, куплю тебе порцию фуюаньцзы.

Но жена Сунь Фэня замялась:

— Но ведь стоит аж пять вэней...

— Ничего страшного, хозяин дал целых тридцать, — успокоил он её. — Говорят, эти фуюаньцзы просто объедение: мягкие, тягучие, сладкие, ты ведь ни разу не пробовала. Если бы мы сегодня не вышли прогуляться, ты бы так и не узнала, что это такое.

Он продолжал уговаривать свою жену, и напоследок добавил:

— К тому же, говорят, среди фуюаньцзы есть с розовой начинкой. Если попадётся, не только не надо будет платить, ещё и угощения в подарок дадут.

— А если не попадётся? — неуверенно прошептала она.

— Пять вэнь за угощение... Ну, если не повезёт, пусть будет просто как диковинка попробовать, — сказал Сунь Фэнь, пытаясь выглядеть беззаботно.

Жена, видя, как он настаивает, в конце концов не смогла ему отказать.

Сунь Фэнь съел только одну фуюаньцзы и отложил ложку - уж слишком она оказалась вкусной, сладкой, с начинкой из сахара. Но он пожалел есть сам, и, притворившись, будто наелся, сказал, что больше не может. Но его жена слишком хорошо знала своего мужа. Она знала, что с их скромным достатком он точно не мог насытиться до отвала, в лучшем случае мог утолить голод, но не более.

— Съешь ещё одну. Ну давай, последнюю. Если ты не будешь, я тоже есть не стану, — сказала она, подняв ложку.

Сунь Фэнь не смог противиться упрямству жены и, поддавшись, взял ещё одну и, едва надкусив, застыл.

— Это розовая! С розовой начинкой, жена, нам повезло! — воскликнул он и, подхватив жену, закружил её от радости, после чего, не доев даже, с полупустой ложкой поспешил показать Куй У:

— Смотрите, у нас розовая, точно розовая фуюаньцзы!

Глядя на Куй У, могучего телосложения, с суровой, пугающей внешностью, от которой веяло угрозой, Сунь Фэнь невольно занервничал. С таким, подумал он, если бы встретился где-нибудь на улице, то, не раздумывая, увёл бы жену подальше и, даже если бы остался в убытке, слова поперёк не сказал бы. Но сейчас этот человек - хозяин лавки, должно быть, всё в порядке... Не станет же он вдруг прыгать с кулаками?

Пока Сунь Фэнь мучился от беспокойства, тот самый грозный, словно воплощённый грозовой бог, человек, с лёгкостью отдал ему обещанные угощения.

— Я... я правда могу это взять? — нерешительно спросил Сунь Фэнь.

Куй У нахмурился:

— Не хочешь - так и скажи, я обратно заберу.

— Хочу, конечно хочу! — тут же воскликнул Сунь Фэнь и поспешно принял угощения, после чего Куй У сразу же повернулся и пошёл заниматься делами.

— Жена, мы... — Сунь Фэнь, прижимая полученное к груди, только теперь по-настоящему успокоился. — У моего хозяина жена всё уши прожужжала, как хочет, чтобы он подарил ей букет сахарных роз. А я слышал, что букет такой стоит аж лян серебра. Хозяин не согласился тратиться, вот и не получила она ни одной. А мы вот... хоть и всего одну розу, но ведь тоже сахарная.

Он протянул сахарную розу своей жене:

— Жена, это тебе.

И в тот миг, как она взяла угощение, Сунь Фэнь накрыл её руку своей ладонью и сжал. Щёки его жены вспыхнули, но руку она не отдёрнула.

Смутившись, она тихо сказала:

— У самой хозяйки нет сахарной розы, а у меня есть... Значит, я и впрямь счастливее её.

Они с Сунь Фэнем на какое-то мгновение молча посмотрели друг на друга, и тогда он сказал:

— Жена, всё, что тут есть, съешь сама, не береги. Сколько сможешь, столько съешь, а потом потихоньку спрячь остатки в платок. А то если домой принесём, мать точно всё заберёт, и ты

потом ничего не попробуешь.

— Угу, — кивнула она.

В это время подошёл Лю Шу. Он тоже пришёл помочь. Семья Куй уже давно с ним сотрудничала: всю цветную бумагу, в которую они заворачивали сахарные розы, подписывал и украшал именно он. Сначала просто писал стихи или делал наброски, но потом стал оформлять бумагу историями о сахарных розах и рисунками к ним.

С помощью матери Куй Лю Шу и Фэн-шисао у Куй У, Цинь Хэ и младшей сестры Куй наконец появилось немного передышки. Цинь Хэ попросил сестру сварить пельмени, а заодно поставил наверх паровую корзину, чтобы разогреть заранее приготовленных варёных кур, чтобы потом можно было поесть.

Когда мать Куй увидела эти четыре курицы, у неё аж сердце сжалось - до такой степени стало жалко. Но, глядя на лица Куй У и младшей дочери, она поняла, что для них это обычное дело. Вдруг ей вспомнилось, как Куй Сяохуа как-то сказала, что не хочет возвращаться домой есть, потому что у старшего брата дома лучше кормят. Тогда мать подумала, что речь идёт просто о большем количестве масла, а теперь... теперь она наконец поняла, насколько действительно хорошо кормят у её старшего сына.

Цинь Хэ оторвал одну куриную ножку и протянул матери Куй, а Фэн-шисао и Лю Шу вручил по два куриных крыла.

— Все, наверняка, проголодались с этой суматохи. Поешьте хоть немного, — сказал он.

Фэн-шисао и Лю Шу поначалу отказывались, но Цинь Хэ, не став спорить, просто завернул крылышки в промасленную бумагу:

— Если сейчас не голодны, заберите с собой, съедите вечером.

— Берите, — добавил Куй У.

И только тогда они приняли угощение.

Мать Куй сначала тоже не собиралась есть, всё же пришла помогать, а не угощаться. Но в лице Цинь Хэ было столько искренности, что отказаться не получилось. К тому же она вспомнила, как дома на ужин у них стояла курица, сваренная в простой воде - ни масла, ни соли, ни приправы, а всё равно все ели, слюну глотая. Жалко было внуков... Она надкусила кусочек - вроде бы и для вкуса, но не больше. Однако глядя на аппетитное, сочно блестящее, пряно-ароматное куриное бедро, устоять не смогла и доела.

Мать Куй посмотрела: Цинь Хэ уже съел одну ножку, её сын аж две, а младшая дочь вообще

целиком справилась с одной курицей. Она даже онемела от изумления, а когда наконец пришла в себя, разозлилась:

— Сяохуа! Я тебе сколько раз говорила: не ешь так много! Ещё чуть-чуть, и кто ж тебя замуж возьмёт?

Младшая сестра Куй просто отвернулась, сделала вид, что не слышит, и, не поднимая головы, быстро доела куриное мясо, запихивая его в рот, пока не отобрали.

Цинь Хэ хотел было как-то заступиться за младшую сестру, сказать что-нибудь вроде «раз устаёт, пусть ест сколько хочет», но, взглянув на фигуру Куй Сяохуа, не смог подобрать слов и только отвёл взгляд в сторону.

В этот момент прибыли подарки, которые фуинь отправлял по случаю праздника. Они были доставлены в дом одного из чиновников Ханьлиня - некоего Чжао Юаня. Он служил редактором в Академии Ханьлинь, а с фуинем они были однокурсниками: когда-то вместе проходили службу на низших должностях, затем один попал в Академию Ханьлинь, а другой был назначен главой уезда в Дишуй. С тех пор отношения между ними оставались тёплыми, и по праздникам они неизменно обменивались подарками.

Чжао Юань небрежно пробежался взглядом по списку подарков, но взгляд его задержался на одной строке мелким шрифтом: «Молочный порошок. Заморское угощение. Заваривается кипятком, вкус неопиcуемый. Похоже на молоко, но лучше его втрое».

Чжао Юань усмехнулся и распорядился:

— Заварите-ка нам с супругой по чашке этого молочного порошка.

Изначально Чжао Юань просто хотел попробовать что-то необычное, диковинное, но стоило ему с супругой отведать напиток, как оба моментально влюбились во вкус, причем настолько, что и дня не могли прожить без новой чашки. Он тут же отправил часть порошка родителям, а остальное стал подавать для угощения гостей.

У Чжао Юаня был один коллега Цао Пэй. Хотя он занимал скромную должность всего лишь редактора, славился выдающимся умом и был в большой милости у самого императора. Многие мечтали с ним подружиться, но всё напрасно: человек он был из бедной семьи, но прямой, честный, не вступал ни в какие клики и не искал протекций, сдержанный, почти нелюдимый, словно к нему «и с маслом не подступишься».

Чжао Юань не раз пытался сблизиться с ним, но всякий раз безуспешно. Однако, глядя сейчас на молочный порошок, он неожиданно вспомнил один слух: говорили, что у Цао Пэя есть мать,

которой уже шестьдесят пять лет, и та особенно любит овечье и коровье молоко. Сам же Цао Пэй был прославлен своей сыновней почтительностью.

В один из дней, когда те, кто работал над редакцией книг, устроили небольшой перерыв, несколько человек расселись вокруг жаровни. В этот момент слуга внёс поднос с угощением и, что было необычно, вместо чая на нём стояли фарфоровые чашечки, наполненные слегка желтоватым порошком.

Чжао Юань с улыбкой сказал:

— Сегодня обойдёмся без чая. Угощу уважаемых коллег молочным порошком.

Цао Пэй заинтересованно спросил:

— А что это за порошок такой? Пахнет насыщенным молочным ароматом.

— Наверное, делают его из коровьего или овечьего молока, — ответил Чжао Юань. — Но как именно готовят, сказать не могу, не наша повариха его делает. Это угощение с запада, мне прислал его один мой старый товарищ по сдаче экзаменов. — при этом он сам лично взялся за приготовление: заварил порошок кипятком и предложил попробовать. — Прошу, отведайте.

Цао Пэй, лишь отпив, сразу же воскликнул:

— В самом деле, очень вкусно. Не знаю, много ли у брата Чжао осталась этой драгоценной вещи, но осмелюсь попросить немного для моей матушки. Она с детства обожает молоко, а этот напиток ещё мягче и слаще обычного, уверен, ей особенно понравится.

Чжао Юань давно искал повод для сближения, и теперь, увидев шанс, без колебаний согласился. В тот же вечер он велел слуге втайне доставить Цао Пэю целый иши молочного порошка.

А среди тех, кто в тот день вместе с Цао Пэем попробовал угощение, нашлись и другие, кому оно пришлось по вкусу. Чжао Юань, не упустив случая, каждому сделал подарок и раздал молочный порошок, тем самым заслужив расположение коллег. Те, в свою очередь, стали угощать им своих гостей, и так, по цепочке, порошок неожиданно приобрёл популярность в столице.

Особенно сильный ажиотаж вызвало то, что в самой столице этот продукт невозможно было купить ни за какие деньги. Чем более редким становился порошок, тем выше рос его престиж, и в скором времени заветный напиток стал предметом охоты для знатных родов и чиновничьих семей, готовых платить за него целые состояния.

<http://bllate.org/book/13598/1205851>